

*Мухаммадеев Алмаз\**

## ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАРИАТСКОЙ КОМИССИИ ПРИ НКЮ ТАССР

Наряду с существованием народных судов и революционных трибуналов к началу 1920-х годов в регионах с нерусским населением действовали местные национальные суды, основанные на мусульманском и обычном (адатном) праве. Такие суды имели большой авторитет на местах и существовали, частности, на Кавказе, в Киргизии и Туркестане. Власти всячески стремились усилить деятельность государственных судебных учреждений, одновременно ограничивая компетенцию национальных судов. Однако совсем уничтожить эти суды не представлялось возможным, подобные действия могли подорвать доверие населения к новому строю, вызвать сомнения в демократичности советской власти. Необходимость временных уступок была очевидна.

21 апреля 1921 г., выступая на Учредительном съезде Советов Горской республики, С.М. Киров, в частности, говорил: «Если мы будем по одному шаблону строить наши суды, – о чем говорилось здесь, – естественно, из этого решительно ничего не выйдет. Это совершенно определено и понятно. Отсюда, с этой трибуны, ответственные представители Советской власти говорили: «Если вы желаете судиться по шариату – судитесь по шариату: это дело ваше – в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу. Только на основании такого судопроизводства для известных групп национальностей, живущих здесь, Советская власть будет понятна, доступна и может быть ими воспринята»<sup>1</sup>.

Подобное отношение властей выразилось в узаконении некоторых послаблений. Так, в особом постановлении ЦК РКП(б) «О Туркестанско-Бухарских делах» (май 1922 г.) предусматривались возврат вакуфных земель и восстановление кадийских и бийских судов. Показательно, что в конституциях Бухарской и Хорезмских республик об отделении церкви от государства даже не упоминалось. Духовенство этих республик ведало вопросами семейно-брачных отношений, просвещения, принимало участие в работе органов власти<sup>2</sup>.

В Дагестане во второй половине 1921 г. шариатские суды еще состояли на государственном бюджете. Лишь в 1922 г. постановлением Дагестанского ЦИК эти

\* К.и.н., кафедра политической истории КФУ

суды были сняты с государственного бюджета и переведены на содержание обществ верующих. Подсудность шариатских судов была существенно ограничена. В этих судах могли рассматриваться гражданские дела между мусульманами только в случае обоюдного согласия на то, как истца, так и ответчика. При несогласии одной из сторон дело подлежало рассмотрению в народном суде.

23 декабря 1922 года ЦИК и СНК Туркестанской автономной республики отменили все ранее изданные постановления о суде кадиев и приняли новое положение о них, внося в их организацию и деятельность коренные изменения. В Ферганской, Самаркандской и Сыр-Дарьинской областях Туркестанской республики для коренного оседлого населения (узбеков, таджиков и др., входящих тогда в ее состав) параллельно с единым народным судом было допущено учреждение, по желанию большинства населения, местных судов, в лице кадиев. Сами кадии также должны были принимать дела к производству только по желанию обеих сторон, в противном случае они подлежали разбору в народном суде. Количество кадийских судов по области определялось местными исполнительными комитетами. Жалобы на решения кадийских судов могли приноситься в двухнедельный срок в ближайший уездный народный суд, действовавший в общем порядке<sup>3</sup>.

После судебных реформ в РСФСР 1922 г., была создана единая система судов, принцип которой был перенят позже и другими союзными республиками СССР. Наличие шариатских судов в отдельных регионах при новой законодательной базе стало явлением нелогичным. 5 марта 1924 г. Пленум Верховного Суда РСФСР постановил: «...признавая нынешнее положение существования шариатских судов ненормальным и нетерпимым,

как нарушающее общую систему судостроительства, образовать особую комиссию (из представителей ведомств) с привлечением местных работников для выработки проекта положения, определяющего деятельность означенных судов»<sup>4</sup>.

Вместе с тем, из доклада Председателя Киргизского ЦИК от 5 ноября 1924 г., представленного во ВЦИК, видно, что в Киргизии в это время еще продолжали существовать «аксакальские суды». Киргизская республика, как указывалось в этом докладе, по своему составу имеет своеобразный уклад жизни и те специфические бытовые условия, которые заставляют временно мириться с существованием таких судов.

В начале 20-х годов XX в. был широко распространен тезис о совместимости шариата и коммунизма. Вследствие этого некоторая часть мусульманского духовенства выдвигала лозунг «За советскую власть, за шариат». Идею допустимости мусульманского законодательства в мусульманских регионах поддерживал и нарком по делам национальностей И.В. Сталин. Огромное влияние и распространение движение «красных шариатистов» в 1921-1922 гг. получило на Кавказе, в Средней Азии и внутренней России.

Подобной организацией у татар являлся Совет духовников (Голэмэ шурасы), созданный при Оренбургском духовном правлении еще в дни Октябрьской революции. Этот Совет навел Султангалиева, а позднее и мулл-модернистов на мысль о демократизации и «советизации» мусульманского духовенства. Совет состоял из 10 членов, претендовал на роль законодательного органа духовного правления. В его функции входило проведение общего собрания (надва) мусульман европейской части России и Сибири. За шесть лет своего суще-

ствования Совет духовников провел несколько таких собраний, выработал несколько решений (фетв), например, о дозволенности табаководства, о дозволенности посещения мечети женщинами и т.д. В 1923 г. Совет духовников провел собрание представителей Средней Азии, Кавказа, Крыма, Казахстана и Сибири с целью объединения мусульман этих регионов под эгидой Оренбургского духовного правления<sup>5</sup>.

В целом в первые годы советской власти государственно-религиозные отношения логически развивались в рамках изданных законов. Прежде всего, в этот период формируются органы власти, которые были призваны контролировать соблюдение норм религиозного законодательства. СНК РСФСР поручает данное направление особому отделу Наркомата юстиции. На основании положения ВЦИК о Народном комиссариате юстиции VIII отдел разрабатывал проекты и издавал инструкции, циркуляры в области государственно-религиозных отношений. Кроме этого, в отдел стекались все материалы различных ведомств, имеющих отношение к религиозной политике. Его указания долгое время оставались единственными правовыми документами, регламентирующими порядок разрешения практических вопросов в области регулирования взаимоотношений государства с религиозными организациями<sup>6</sup>.

Революционная секуляризация, осуществленная в первые годы советской власти, создала такую обстановку, когда, с одной стороны ожесточившаяся часть духовенства активно принимала участие в борьбе против большевистского государства, с другой – наметилась тенденция к сотрудничеству с ним. В основе определившейся позиции лежали сложные и противоречивые социально-политические, экономические и культур-

но-духовные процессы. Как в русской православной церкви в 20-е гг. XX в. произошел обновленческий раскол, так и среди мусульманского духовенства произошел раздел. В Татарстане мусульманское духовенство также приняло преобразования, связанные с победой революции, неоднозначно. Часть его активно участвовала в вооруженной борьбе против утвердившейся власти, с другой стороны, наметилась тенденция к сотрудничеству с новым режимом.

Так, в г. Мамадыше и г. Бугульме в 1920 г. прошли собрания мусульманского духовенства, где муллы предлагали властям свои услуги в духовно-нравственном воспитании населения. Эта тенденция усилилась в период съездов мусульманского духовенства в 1926–1927 гг., решения которых были направлены на нормализацию взаимоотношений религиозных общин и государства. В принципе того же результата добивались и государственные органы. В результате соглашения сторон были введены существенные новшества в социально-культовую практику, в частности женщин начали допускать в мечети, были учреждены выборные должности в ЦДУМ, стали практиковаться демократические формы возведения в духовный сан<sup>7</sup>.

Многие видели в получении Татарстаном собственной автономии надежду на духовное и национальное возрождение. Характерной в этом отношении является телеграмма муллы Спасского кантона Казанской губернии в связи с образованием в 1920 г. ТАССР. «Мусульманское духовенство уезда, – говорилось в ней, – с радостью встречает объявление Татарской республики. Обещаем помочь ей окрепнуть, стать на твердую почву путем пропаганды среди темного населения, и считаем Советскую власть единственной защитницей интересов мелких народностей...»<sup>8</sup>.

В ТАССР шариатских или им подобных судов не существовало, однако выявились проблемы, связанные с осуществлением правосудия среди коренного татарского населения, применения тех или иных юридических норм при спорных ситуациях. В народе прочно укоренились нормы права, основанного на арабско-мусульманском и тюркском обычном праве. Законы шариата присутствовали практически во всех сферах общественной и личной жизни татарских мусульман (в основном касались брачно-семейных, наследственных отношений). Указанные нормы далеко не всегда совпадали с нормами действовавшего тогда законодательства РСФСР. Стала очевидной необходимость некоего официального органа, способного урегулировать эти проблемы. Начались попытки объединить принципы советского и шариатского права, приспособить нормы шариата к новым законам, привести их в соответствие с новыми жизненными реалиями.

Так, в конце 1922 г. была учреждена Комиссия по изучению шариатского права (или Шариатская комиссия) при Народном комиссариате юстиции ТАССР. В названии комиссии показательно словосочетание «обычного шаригатного права», «обычного мусульманского права». Из материалов деятельности Комиссии следует представление если не о тождественности, то о максимальной близости понятий обычного права и шариатского мусульманского права. Это, отчасти, можно объяснить закреплением и распространением в течение многих столетий норм шариатского права среди поволжских татар настолько, что они практически вытеснили нормы обычного тюркского права, фактически заменили их.

Введение в 1922 году в действие нового Уголовного и Гражданского

кодексов РСФСР – один из показательных примеров политики «кнута и пряника» советской власти. Автономные национальные республики, согласно им, получали официальное право вносить конкретные изменения и дополнения в кодексы, исходя из местных религиозных и национальных особенностей. Несмотря на то, что практическое решение этой проблемы оказалось не так просто и легко, формально такие права были предоставлены. Вопрос соответствия советского законодательства местным условиям и возможности их совмещения на практике не мог оставить равнодушным и руководство Татарской республики, которое немедленно начало принимать меры и 18 ноября 1922 г. Шариатская комиссия приступила к работе.

Несомненно, право законодательной инициативы, право вносить изменения было актуальным для Татарской Республики. Например, до 20 декабря 1917 г. среди зажиточных и знатных татар на основе шариатских норм практиковалось многоженство. В этой связи возникали проблемы при разделе или наследовании имущества в полигамных семьях, так как в РСФСР законодательством признавалась только моногамная семья. Также среди подавляющего большинства татар широко практиковалась устная форма завещания. Были и другие особые национальные и бытовые условия Татарской Республики, законодательно не урегулированные и требующие принципиального решения<sup>9</sup>.

Комиссия с первых дней деятельности наметила свои цели и задачи, сводящиеся к изучению и систематизации мусульманского права с дальнейшим его приспособлением к местным нуждам и условиям. В соответствии с целями и задачами был разработан следующий план работы:

- 1) изучение в историческом разви-

тии обычного (арабского шариатского) права; 2) систематизация действующего обычного татарского права; 3) согласование действующего советского права с нормами действующего обычного права на территории Татарской Республики и внесение соответствующих изменений в установленном порядке в действующие кодексы РСФСР<sup>10</sup>.

Комиссия, в основном, состояла из ученых и людей, как обладающих обширными юридическими знаниями, так и знающих историю, быт татарского народа. Председателем Комиссии был З.Булушев, секретарем Борисенко, членами: Г.Губайдуллин, С.С. Венецианов, А.Максудов, А.Мустафин, А.Формаковский, Змиев.

В соответствии с планом работы, членами Комиссии, за весь период ее деятельности, и специалистами были представлены на обсуждение следующие доклады: 1) Г.Губайдуллиным: «Арабское право среди татар», «Обычное право тюрок и монголов», «История распространения арабского права среди приволжских татар». Доклады Г.Губайдуллина были признаны имеющими большое историческое значение и приняты за основу при изучении арабского права и обычного татарского права; 2) С.С. Венециановым: «О наследовании по мусульманскому праву», «Об основных началах наследственного права по Гражданскому кодексу РСФСР», «Об изменениях и дополнениях Гражданского кодекса, применительно к обычному праву татар»; 3) А.Максудовым: «О наследственном шариатском праве», «Уголовное право по шариату»; 4) А.Формаковским: «Основные принципы мусульманского уголовного права в сравнении с принципами действующего законодательства РСФСР», «Объяснительная записка по вопросу о пересмотре Уголовного кодекса РСФСР применительно к шариатско-

му праву», «О брачном праве РСФСР»; 5) А.Мустафиным: «Об арабском семейном праве»; 6) Змиевым: «Детская преступность, меры борьбы с ней и законодательство по этому вопросу»<sup>11</sup>.

Помимо своего научного значения, работа Комиссии имела для республики и большое практическое значение. Особенно это выражалось в согласовании шариатского права с действующим законодательством, в целях приспособления его к особенностям быта Татарстана. Для этой цели члены Комиссии обрабатывали в виде докладов весь материал о применяемых татарами норм права, исторического его происхождения, разбирали обоснования, наряду с которыми были представлены доклады об основах действующего законодательства. Сопоставив эти материалы, Комиссия остановилась главным образом на том, что основной задачей должно быть проведение в жизнь тех социальных принципов, которыми проникнуто советское законодательство. Всякого рода дополнения и изменения к кодексам могли быть допущены только в случае их непротиворечия основным принципам советского строя. Именно поэтому Комиссия сочла невозможными и недопустимыми те обычаи, даже существовавшие многие века, которые противоречили советским принципам.

По указанным основаниям, несмотря на большое различие во многих случаях между мусульманским правом, и действующим законодательством, Комиссия указала, что многие нормы шариатского права являлись пережитками и могли иметь лишь историческое значение. Советское право признавалось основанным на культурных достижениях современности, на научных разработках социалистической школы, тогда как шариатское право, по мнению большинства членов Комиссии, изобило-

вало понятиями, отошедшими к прошлому быту татарского народа.

Ввиду особенностей, существующих в обычаях, бытующих среди татар в сфере частноправовых взаимоотношений, пристальное внимание Комиссией было уделено наследственному праву. Это было необходимо и потому, что если до революции применение общих гражданских законов в области наследования имело принудительный характер, то теперь шариатом была предоставлена полная свобода, почти вмененная в обязанность. По этой простой причине, помимо религиозного основания, наследование по правилам шариата и вошло прочно в обычай среди татарского населения.

Но и в данном случае Комиссия не могла допустить безусловную замену законодательно закрепленных норм гражданского права существующими нормами арабского права. Было признано, что законодательные акты средневековых арабов, по сути прогрессивные для своего времени, не соответствовали ни условиям XX в., ни современному быту татарского народа. В некоторых случаях основы шариата не только отступали от принципов советского законодательства, заложенных в Гражданском кодексе РСФСР, но были ему диаметрально противоположны. Как пример указывалось неравенство полов, принцип предпочтения мужского пола женскому и т.д. Комиссия не имела возможности узаконить этот обычай. Несмотря на то, что он практически в какой-то мере продолжал существовать, категорически не совпадал с советским законодательством, а значит, не имел оснований в воззрениях самого народа и, соответственно, не отвечал духу времени.

В этом направлении Комиссия нашла возможным лишь расширить круг лиц, имеющих право наследования по восходящей линии, и ближай-

шими родственниками боковой линии, ввиду того, что в данном случае мог быть применен допускаемый советским законодательством принцип алиментарный, иждивенческий. Кроме расширения круга лиц Комиссия нашла возможным внести изменения и в долях наследования. Учитывая, что подобное изменение допущено законодателем путем совершения завещаний, Комиссия также сочла возможным допустить изменение формы совершения завещаний ввиду особых условий, в которых находилось татарское население республики. Указанное изменение коснулось ст.ст. 418 (круг законных наследников), 420 (доли в наследстве) 425 (форма совершения завещаний) Гражданского кодекса РСФСР.

В отношении брачного (семейного) права, рассмотрев параллельно принципы действующего законодательства и нормы обычного права татар, Комиссия пришла к выводу, что в целом брачное право РСФСР ни в чем не противоречит в целом обычному праву местного мусульманского татарского населения<sup>12</sup>.

Интерес к работе по приведению норм шариата в соответствие с действующими советскими законами проявили и другие государственные учреждения, видные чиновники республики. Так, начальник Главмилиции Татарстана, будущий председатель СНК ТАССР Х. Габидуллин отмечал: «Вопрос о проведении шариатских законов является постоянным вопросом, и долго еще мы будем проводить время в обсуждении этого вопроса»<sup>13</sup>.

На работе Шариатской комиссии на 2-м съезде работников юстиции ТАССР, прошедшем 15–18 сентября 1924 г. в Казани, остановился нарком юстиции Г.Богаутдинов. Он отметил, что в вопросах перевода кодексов, а также внесения изменений и допол-

нений в кодексы вследствие особых национальных и бытовых условий республики отсутствует низовой опыт, по причине чего и была создана данная комиссия. Как утверждал Г.Богаутдинов, в результате ее работы была доказана в Москве необходимость некоторых дополнений к кодексам в связи с бытовыми условиями Татарстана, но для большего успеха здесь требуется практика работников юстиции на местах, их опыт. «Мы преподнесли изменения на рассмотрение ЦИКа ТР, который их утвердил и предложил вниманию ВЦИКа, последний также некоторые из них утвердил. Для того, чтобы добиться утверждения всех изменений необходимо опираться на низовой опыт. Его мы можем получить от приезжающих товарищей – судебных работников из кантонов», – говорил с трибуны съезда нарком юстиции<sup>14</sup>.

Вскоре отношение к исламу изменилось и в самом Наркомате юстиции республики, где еще недавно действовала Шариатская комиссия. Так, на заседании бюро ячейки РКП(б) наркомата юстиции, состоявшемся 3 октября 1925 г., выяснялось отношение горрайкома о выделении в антирелигиозный актив, создаваемый при Центральном антирелигиозном кабинете, членов ячейки, не загруженных работой по другой линии. Выбирались члены ячейки, исходя из «политического» и образовательного уровня, а также беспартийные, желающие работать в данном направлении. Постановлено поручить Зяппарову составить список и представить к 6 октября 1925 г. в горрайком<sup>15</sup>.

Работа Шариатской комиссии, в це-

лом, получила неоднозначную оценку. Исследователи советского периода считали, что работа Комиссии пошла по неправильному пути. Согласно их мнению, многие члены Комиссии преувеличивали влияние шариата на татарское население, предлагали изменить отдельные статьи советских кодексов и дополнить их новыми положениями, которые не только не способствовали «освобождению сознания незначительной части отсталых татар от консервативных и вредных предрассудков», но и содействовали их широкому распространению. Считалось, что работа Комиссии была, с одной стороны, бесполезна (ибо, по мнению советских партийных деятелей, шариат не имел широкого распространения среди татар), с другой стороны – вредна, так как противоречила укреплению единой социалистической законности и правосознания. Комиссия была ликвидирована якобы с учетом всех этих факторов<sup>16</sup>.

Вместе с тем, сегодня налицо положительные, полезные результаты деятельности Шариатской комиссии, которые выразились не только во вкладе в историю изучения религиозных, бытовых и национальных особенностей татарского народа. Комиссия рассмотрела самые крупные законодательные и нормативные акты того периода (ГК и УК, декреты по брачному и семейному праву и пр.) в сравнении с аналогичными законодательными нормами шариата в их историческом и бытовом обосновании и выявила возможности применения последних для татарского населения республики в соответствии с его национальными особенностями.

#### ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кожевников М.В. История Советского суда. 1917–1956 годы. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1957. С. 189.
2. Миннулин И.Р. Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930-е гг.). Казань: Издательство Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. С. 37.
3. Кожевников М.В. Указ.раб. С. 189.
4. Отчетный доклад председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучки. Верховный Суд РСФСР за 1923 год. М.: Издание Верховного Суда РСФСР, 1924. С. 18.
5. Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). Казань: Тат. книж. изд-во, 1979. С. 77.
6. Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938). М.: Знание, 1991. С. 15.
7. Набиев Р.А. Обновленческие тенденции в исламе и православии в 20–30-е годы // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Казань, 1993. С. 168.
8. Касимов Г. Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции. Казань, 1932. С.28–29.
9. Багаутдинов Ф.Н. Он был первым. Гимаз Багаутдинов. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С. 37.
10. Венецианов С.С. Деятельность шариатной комиссии // Вестник Советской юстиции АТССР. - №4, 1923. – С.18
11. Венецианов С.С. Указ.раб. С.18–19.
12. Венецианов С.С. Указ.раб. С. 20.
13. Хабутдинов А.Ю. Роль мусульманской элиты в татарском обществе в 1917–1920-х гг. // Ислам в постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. Материалы всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования». Казань: Институт истории АН РТ, 2004. С. 127.
14. Багаутдинов Г. Итоги судебной работы за истекший год (отчет НКЮ и прокуратуры АТССР). Стенографический отчет 2-го съезда работников юстиции ТССР. Казань: Изд-во НКЮ ТССР. С. 17–18.
15. ЦГА ИПД РТ. Ф. 789. Оп.1 Д. 2. Д. 57.
16. Хафизов Ш. Развитие Советской государственности татарского народа. Казань: Тат. кн. изд-во, 1966. С. 34.